

ЗАМѢТКИ

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О «РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНѢ 1808—1809 ГГ.».

(Продолженіе ¹⁾).

Въ прошлыхъ «замѣткахъ» мы установили путемъ изслѣдованія подлинныхъ архивныхъ документовъ *забытые факты*, доказавъ, что принимавшіяся въ 1807 г. оборонительныя мѣры были направлены исключительно противъ Англій, а не Швеціи, съ которой вести войну и не собирались, задумавъ 14-го января 1808 г. совершить лишь «нѣкоторое предпріятіе къ движенію» въ Шведскую Финляндію.

Посмотримъ теперь, каковы-же были ближайшія политическія обстоятельства, вынудившія Императора Александра I принять послѣднее рѣшеніе...

Переговоры шведскаго короля о союзѣ съ Англійей и о поддержкѣ съ ея стороны (войсками и деньгами), начатыя въ ноябрѣ, продолжались и въ декабрѣ 1807 г., при чемъ окончательно выяснилось, что Швеція можетъ разсчитывать на денежную субсидію и «на основательную поддержку флота». Король, соблюдая

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1909 г., № 2.

Въ предыдущей статьѣ на стр. 109 вкрасась опечатка,—напечатано: «въѣхать въ ротъ непріятелю». а слѣдуетъ читать: «въѣхать въ ротъ непріятелю».

«умѣренность» по отношенію къ Россіи, стремился «полезными отсрочками» выиграть время и создать такую обстановку, при которой возможно было бы «свалить всю отвѣтственность несправедливаго нападенія на Россію», что считалось, по заявленію кабинета-секретаря Адлерберга, *весьма важнымъ*.

Донесенія шведскаго посла Стединга изъ С.-Петербурга, усердно сообщавшаго о нашихъ такъ называемыхъ приготовленіяхъ къ войнѣ со Швеціей и съ затаеннымъ недовѣріемъ относившагося къ министру графу Н. П. Румянцеву, который съ замѣчательною правдивостію поддерживалъ отношенія, — быстро создали крайне ненормальное положеніе. Убѣдить Стединга въ томъ, что мѣры принимаются дѣйствительно противъ Англіи, было невозможно, а поэтому естественно, что въ донесеніяхъ «положеніе дѣлъ обрисовывалось темными красками», а тамъ, по заключенію современныхъ шведскихъ историковъ, обсуждавшихъ донесенія съ точки зрѣнія Стединга, — оказалось, что «*грозная туча надвигалась на Швецію*»... 8-го декабря Стедингъ уже категорически донесъ, что «*нужно быть готовымъ на все*».

Конечно, такія дипломатическія донесенія настраивали шведскаго короля, отличавшагося, по выраженію графа П. К. Сухтелена, *твердостію противною политикъ*, въ нежелательномъ для Россіи направленіи. Въ результатѣ, Стедингъ сыгралъ свою роковую для Швеціи роль до конца, будучи вынужденъ передать ноту отъ 11-го января, въ которой, между прочимъ, опредѣленно подчеркивалось, что Англія можетъ явиться въ Балтійское море «*для выручки кого либо изъ своихъ союзниковъ*». Въ дальнѣйшемъ, «доказательства пристрастія» къ Англіи ¹⁾ стали обнаруживаться болѣе опредѣленно, и, какъ извѣстно, 8-го февраля (27-го января) Шведскій король оформилъ заключенный съ нею союзъ и особымъ трактатомъ.

Полученныя свѣдѣнія объ активныхъ намѣреніяхъ Англичанъ противъ Даніи и о воинственныхъ замыслахъ новыхъ союзниковъ, а также «истощеніе всѣхъ средствъ убѣжденія», — и вынудили Императора Александра I рѣшиться на «*нѣкоторое предпріятіе къ движенію*». Предпріятіе это не было какимъ либо внезапнымъ рѣшеніемъ, а являлось послѣдовательнымъ противу «поведенія ан-

¹⁾ Выраженіе изъ русской деклараціи 10-го февраля 1808 г., которая, какъ будетъ изложено далѣе, получила распространеніе не только по всей Европѣ, но даже *заблаговременно*, до нашего перехода границы. была разослана и по Шведской Финляндіи.

гличанъ» распоряженіемъ. Благодаря политикѣ шведскаго короля, Финляндія, какъ часть Швеціи, переставала быть добрымъ сосѣдомъ, позволившимъ обнажить нашу границу почти отъ всякихъ войскъ и оставить въ беззащитномъ положеніи С.-Петербургъ, какъ это имѣло мѣсто въ 1806—1807 гг., а пріобрѣтала очень важное значеніе, какъ *возможная база для англичанъ*. Парализовать же такое значеніе было для насъ безусловно необходимою, что и разрѣшалось сущностью предпріятія.

Предпріятіе, не имѣвшее завоевательныхъ цѣлей, было послѣднею попыткою повліять на отдававшася въ руки Англій Шведскаго короля, въ желаемомъ и допустимомъ для Россіи смыслѣ, причемъ повліять не «нотами», на которыя перестали въ Швеціи обращать вниманіе, а *внушительной демонстраціей*.

Нашъ исторіографъ, Михайловскій-Данилевскій, игнорировавшій изложенныя оборонительныя противъ Англій мѣры, все таки вполнѣ правильно характеризуетъ побужденія Императора Александра I двинуть войска въ Финляндію, указывая, что «по истощеніи всѣхъ средствъ убѣжденія, надлежало *употребить силу и понужденіе*» (см. описаніе войны, стр. 6). Хотя Михайловскій-Данилевскій, лично не принимавшій участія въ Финляндской войнѣ, «повѣствовалъ о событіяхъ, преданныхъ до него совершенному забвенію», но ему приходилось считаться съ «разказами современниковъ (см. собр. сочин., т. I, стр. 24 и слѣд.)», которые, вѣроятно, близко знали истинное положеніе дѣла «*понужденія*».

Задуманное «предпріятіе» имѣло въ виду «*безкровныя*» дѣйствія, — о чемъ графъ Буксгевденъ имѣлъ особое Высочайшее указаніе. Въ «воззваніи къ финскому солдату», онъ категорически свидѣтельствуетъ: «*Государь повелѣлъ не давать перваго выстрѣла до тѣхъ поръ, пока вы (финны), забывъ свою свободу и пренебрегая миромъ, не обнаружите своей къ намъ враждебности*». Шведскіе историки, приписывая Императору Александру I выраженія: «*заставлю Швецію заключить миръ (съ Франціей), и вы увидите, что она это сдѣлаетъ, не дождавшись и перваго пушечнаго выстрѣла*», будто бы сказанныя въ ноябрѣ 1808 г. въ бесѣдѣ съ генераломъ Савари, — подтверждаютъ, что въ возможность такого «безкровнаго» исхода «понужденія» вѣровали.

Посмотримъ, однако, какими фактами подтверждается справедливость нашего заключенія о томъ, что *даже въ половинѣ января 1808 г. никакихъ помысловъ о войнѣ со Швеціей не было, не смотря на рѣшеніе «предпріяты понужденіе»*.

Къ январю 1808 г., какъ отмѣчено выше, «преданность» Шведскаго короля Англiи опредѣлился окончательно. 9-го (23-го) января графу Румянцеву была передана нота, въ которой хотя и не заключалось отвѣта Швеціи на предложеніе Императора Александра I «приступить къ единственной сѣвернымъ Державамъ свойственной системѣ», но за то имѣлось точное указаніе о союзѣ Швеціи съ Англiей, облеченное въ форму угрозы, что англичане могутъ явиться въ Балтійское море «для выручки кого либо изъ своихъ союзниковъ».

Шведскіе историки, истолковывая это событіе, впадаютъ въ противорѣчіе (см. «шведская война 1808—1809 гг.», ч. I, стр. 47 и 53), утверждая одновременно, что *«этотъ отвѣтъ вызвалъ большую тревогу при русскомъ дворѣ»* и что *«въ Петербургѣ въ это время царило полное спокойствіе»*, а *«русскій кабинетъ, по полученіи шведской ноты, молчалъ»*.

Въ дѣйствительности-же, какъ указано было выше, — *14-го января*, т. е. вслѣдъ за полученіемъ угрозы, было окончательно рѣшено совершить *«нѣкоторое предпріятіе къ движенію»*.

Если исключить этотъ безспорный фактъ, какъ это до сихъ поръ и дѣлалось по различнымъ причинамъ рѣшительно *всѣми* историками, то намъ все таки неясно будетъ недоумѣніе шведскихъ историковъ, заявляющихъ, что и послѣ «большой тревоги» русскій кабинетъ молчалъ и что «ни отвѣтной ноты, *ни ультиматума шведскому посланнику (Стединку) передано не было*». Послѣдній, какъ упоминалось выше, словно умышленно превращалъ наши мѣропріятія по охранѣ и оборонѣ Балтійскаго побережья въ какія-то военныя приготовленія противъ Швеціи, а поэтому въ наслѣдіе историкамъ оставилъ массу широковѣщательныхъ донесеній.

Въ данномъ случаѣ Стедингкъ, узнавшій о возможности «предпріятія», поспѣшилъ понять, что *«объявленіе войны послѣдуетъ немедленно»*, почему, вмѣстѣ съ тревожнымъ донесеніемъ — «опасность очень велика», сообщилъ Шведскому королю «планъ дѣйствій Россіи», являющійся «нападеніемъ на Финляндію въ трехъ пунктахъ». Вотъ это-то донесеніе отъ 11-го (23-го) января, т. е. *за три дня до начала нашей подготовки «предпріятія»*, и послужило основаніемъ, спустя 100 лѣтъ, для разъясненія тенденціи объ *ультиматумѣ*, который *оказывается было бы своевременнымъ вручить даже до принятія принципиальнаго рѣшенія* — понудить Шведскаго короля, по выраженію въ нашей деклараціи отъ 10-го февраля 1808 г., «не прилѣпляться къ пользамъ Англiи».

Чѣмъ же задуманное предпріятіе къ движенію» отличалось отъ настоящей войны?

Помимо указаннаго выше стремленія «безкровными» дѣйствіями достигъ желаемыхъ результатовъ, не дѣлая «и перваго пушечнаго выстрѣла»,—«предпріятіе» рѣзко отличалось отъ войны своимъ *демонстративнымъ* характеромъ. Вѣдь двумя дивизіями (17-й и 21-й), назначенными въ «предпріятіе», вести войну со Швеціей, очевидно, было невозможно, а между тѣмъ всѣ наши, скажемъ, завоевательныя комбинаціи съ 14-го января основывались на предполагаемыхъ дѣйствіяхъ только этихъ дивизій, изъ которыхъ 17-я, какъ указывалось ранѣе, состояла «*почти вся изъ рекрутъ*». Какъ это ни странно, но мысль о возможности «предпріятія» только двумя дивизіями продержалась до 5-го февраля 1808 г., что подтверждается заявленіемъ самого графа Буксгевдена, который, «не дождавшись» прибытія подкрѣпленій, ходатайствовалъ (см. рапортъ отъ 5-го февраля 1808 г. за № 54) о разрѣшеніи двинуться «*наличными*» 17-ю и 21-ю дивизіями. Полагаемъ, что такое ходатайство графа Буксгевдена, считавшагося уже съ 16-го января *главнокомандующимъ*, при нормальномъ положеніи дѣла веденіи «войны» не могло бы имѣть мѣста. Вотъ почему мы склонны думать, что даже *за три дня до движенія за границу* главнокомандующій чувствовалъ себя какъ бы на распутьи...

Принимая все это во вниманіе, мы никакъ не можемъ признать правильнымъ изложеніе г. Нивѣ (см. «Военн. Сборн.» 1908 г. № 2, стр. 20), повторяющаго выраженія шведскихъ историковъ (см. Шведская война 1808—1809 гг., ч. I стр. 52 и 55) и подчеркивающаго слова Императора Александра I, сказанныя Стедингку на аудіенціи 4-го (16-го) февраля («*Богъ свидѣтель, что я не стремлюсь захватить у васъ (шведовъ) ни одной деревни*»),—страннымъ добавленіемъ, что «*на другой-же день посланъ былъ съ курьеромъ къ Алопеусу (нашему послу въ Швеціи) ультиматумъ для врученія шведскому правительству, а въ Парижъ декларация къ иностраннымъ дворамъ*».

Прежде всего отмѣтимъ, что такъ называемый *ультиматумъ* для вящей тенденціи *изобрѣтенъ шведскими историками*, а по русскимъ архивнымъ даннымъ это была всего *декларация, которая*, по выраженію нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Румянцова, «*состоялась ксательсно настоящаю положенія сношеній*

нашихъ съ Стокгольмскимъ дворомъ»¹⁾). Для большаго закрѣпленія такого существенно важнаго заявленія графа Румянцева, мы укажемъ еще и такой чрезвычайный случай, что декларация наша вошла *въ первое полное собраніе законовъ* (см. т. XXX, № 22. 817) и, конечно, «безъ всякаго въ существѣ измѣненія», какъ это подтверждалось Высочайшимъ манифестомъ отъ 2-го февраля 1833 г.), причемъ полный титулъ такъ называемаго по-шведски ультиматума такой: «*Декларация о положеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Швеціей касательно защиты Балтійскаго моря отъ насильственныхъ дѣйствій англичанъ*».

Не вдаваясь въ тонкости различія такихъ понятій, какъ ультиматумъ и декларация, мы отмѣтимъ, что смѣшеніе ихъ во-едино завершилось лишь въ послѣднее время, причемъ наши переводчики «Шведской войны 1808—1809 гг.», «передавая шведскій трудъ со всѣмъ присущимъ ему тенденціознымъ освѣщеніемъ», почему-то усугубили тенденцію и своимъ примѣрнымъ переводомъ декларации, чѣмъ значительно исказили *русскій* смыслъ ея.

Не проще-ли было воспользоваться готовымъ текстомъ декларации, позаимствовавъ его изъ полнаго собранія законовъ? Не знать же о существованіи декларации въ настоящемъ ея видѣ, по нашему мнѣнію, было бы невозможно, такъ какъ стоитъ только взглянуть въ «Описаніе Финляндской войны въ 1808—1809 гг.» (см. стр. 7), и мы найдемъ указаніе Михайловскаго-Данилевскаго, предупредительно отмѣтившаго XXX томъ Полн. Собр. Зак. съ добавленіемъ *стр. 63*, на которой начало декларации и напечатано.

Мало того, нашъ исторіографъ въ достаточной степени подчеркнул, что объ ультиматумѣ не было и рѣчи, такъ какъ всего «*состоялась декларация*», причемъ на нѣсколькихъ страницахъ (см. въ «Описаніи Финляндской войны» стр. 510 и слѣд.) убѣдительно «*представилъ дѣло въ настоящемъ его видѣ и единожды навсеида опровернулъ несправедливое обвиненіе, стержъ тѣнь, которою по невѣдѣнію или недоброжелательству омрачаютъ сей періодъ исторіи нашей*».

Къ сожалѣнію, историческая правда къ 100-лѣтію Финляндской войны вновь затуманивается тенденціями, которыя въ доста-

¹⁾ Арх. канц. военн. мин., секр. отд.. 1808 г. дѣло № 3/79. *Подлинное отношеніе графа Румянцева къ графу Аракчееву отъ 13-го февраля 1808 г.*—см. на л. 192

точной степени опровергнуты Михайловскимъ-Данилевскимъ еще въ 1841 г., т. е. *67 лѣтъ тому назадъ*.

Хотя «описание войны» нашего исторіографа по выраженію И. П. Липранди, и признано *«неудовлетворительнымъ»*, но оно все таки въ данномъ случаѣ, въ вопросѣ о такъ называемомъ ультиматумѣ,—не грѣшитъ противъ истины. Михайловскому-Данилевскому справедливо поставленъ историческій упрекъ, что онъ *«нелегко доискивался до матеріаловъ»*, но это вполне ясно и определенно указываетъ на то важное обстоятельство, что трудъ исторіографа не достаточно отдѣланъ и не вполне законченъ, причѣмъ возможны и пропуски. Въ послѣднемъ намъ пришлось убѣдиться и на этотъ разъ, разбирая вопросъ о деклараціи, который, однако, по существу своему Михайловскимъ-Данилевскимъ разрѣшенъ столь основательно, что новые историческіе факты не только не измѣняютъ приведеннаго выше заключенія о деклараціи, но во всѣхъ отношеніяхъ подчеркиваютъ его непреложность...

По неизвѣстной причинѣ шведскіе историки, распространяясь объ ультиматумѣ, почему то обходятъ молчаніемъ одно, серьезное по своему значенію, повелѣніе Императора Александра I. Русскіе-же историки, не «доискиваясь до матеріаловъ», до сихъ поръ подтверждали отсутствіе такого повелѣнія подобнымъ же молчаніемъ. Послужило ли такое «молчаливое» единодушіе на пользу исторіи, можно судить изъ дальнѣйшаго.

Императоръ Александръ I, рѣшивъ *«нѣкоторое предпріятіе къ движенію»*, Высочайше повелѣлъ графу Буксгевдену *отнюдь не вступать въ шведскую Финляндію, не разославъ предварительно деклараціи*, которая признана нынѣ шведскими историками за ультиматумъ.

Сомнѣваться въ фактъ существованія такого Высочайшаго повелѣнія не приходится, такъ какъ его подтверждаетъ самъ графъ Буксгевденъ, всеподданнѣйше рапортуя слѣдующее:

1) 5-го февраля (т. е. *за три дня* до вступленія въ шведскую Финляндію)—*«неполученіе деклараціи для передачи въ шведскую Финляндію, весьма нужной, — есть причина, что я предозначенную операцію предпріять еще не могъ... Жители же, не бывъ извѣстны въ какомъ намѣреніи войска наши черезъ границы переходить предполагаютъ, находятся въ большомъ страху 1)»...*

¹⁾ Военно-ученый архивъ главнаго управленія генеральнаго штаба. отд. II, № 1651. Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 5-го февраля 1808 г. за № 51.

2) 6-го февраля (за два дня до перехода границы)— «полученныя мною сего числа отъ министра иностранныхъ дѣлъ деклараціи я сего жъ дня (т. е. 6-го февраля) разослалъ для разглашенія чрезъ людей, мною на сей предметъ нанятыхъ, черезъ всю Швецію, до Або, Біорнеборгъ, Ваза, Тавастузъ и цѣлую Карелію. О чемъ Вашему Императорскому Величеству по долгу моему всеподданнѣйше доношу¹⁾».

Такимъ образомъ, повѣствованія историковъ, въ особенности шведскихъ, о «неожиданномъ нападеніи» и «вѣроломствѣ» русскихъ утрачиваютъ свою тенденціозность, потому что фактъ *заблаговременнаго широкаго распространенія нашей деклараціи*, разосланной не только «иностраннымъ дворамъ, но и по всей шведской Финляндіи, надлежитъ признать документально установленнымъ. «Нахожденіе же» мѣстныхъ жителей «въ большомъ страху» въ достаточной степени умалѣетъ рассказы о *неожиданности... нападенія*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ и значеніе умышленнаго подчеркиванія шведскихъ историковъ (см. Шведская война 1808—1809 гг., ч. I, стр. 56), что нашему послу въ Швеціи Алопеусу «ультиматумъ для врученія шведскому правительству былъ уже отправленъ 17 (5) февраля» и что шведскому послу Стедингу такой же ультиматумъ «былъ врученъ только 21 (9) февраля».

Въ шведской Финляндіи, какъ было доказано выше, такъ называемый ультиматумъ получилъ уже распространеніе *съ шестого февраля*, а слѣдовательно извѣстіе это несомнѣнно могло бы дойти и до Стокгольма. Послѣднее мы утверждаемъ на основаніи показаній шведскихъ историковъ (тамъ же, стр. 59)[†], указывающихъ, что извѣстіе о переходѣ русскими границы (8 февраля) и о подходѣ ихъ къ Гельсингфорской дорогѣ— «*пришло вечеромъ 26 (14) февраля по телеграфу въ Грисельгамъ*», а этотъ пунктъ, названный почему-то на нѣкоторыхъ картахъ— *Грисельгамъ* и *Грисельгамъ*, находится отъ Стокгольма всего въ 100 верстахъ. Полагаемъ, что тотъ же телеграфъ могъ бы свободно передать извѣстіе и о разсылкѣ какой-то деклараціи для «разглашенія» и при томъ въ тотъ же *шестидневный срокъ... Но исторія умалчиваетъ объ этомъ, а поэтому и мы уклонимся отъ разрѣшенія такой странной загадки. Но почему-же не попытаться найти рѣшеніе этого любопытнаго*

1) Архивъ канцеляріи военнаго министерства, секр. отд., 1807 г., дѣло № 3/79. Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 6-го февраля 1808 г., за № 56.

вопроса? Да, потому—что мы, слѣдуя мудрому совѣту Великаго Царя Петра—сколько «не пиши о семъ, ниже толкуй, инаково не будетъ», не находимъ удобнымъ разоблачать «секреты» шведской исторіи, составители которой, видимо, стараются, «чтобы хотя не нарядно, однакожь бы чисто и приборно все было»... и къ 100-лѣтнему юбилею...

Вопросъ о томъ, принадлежитъ ли наша декларация къ числу ультиматумовъ, разрѣшается въ полной мѣрѣ ея содержаніемъ, которое почему-то въ пересказѣ приводится лишь Михайловскимъ-Данилевскимъ, а прочіе русскіе изслѣдователи эпохи 1808—1809 годовъ, удовлетворяясь этимъ, стали въ концѣ концовъ раздѣлять взгляды и шведскихъ историковъ, искони преслѣдующихъ патріотическую цѣль—*«свалить всю отвѣтственность на Россію...»*

Мы уже отмѣтили, что ультиматумъ изобрѣтенъ шведскими историками и утвержденъ русскими переводчиками «Шведской войны 1808—1809 гг.», которые хотя и нашли нужнымъ отмѣтить, когда «ультиматумъ въ главныхъ частяхъ былъ готовъ» (см. тамъ же, стр. 58), но почему-то обошли молчаніемъ подлинное наименованіе нашей декларации, установленное, какъ было указано выше, въ 1808 г. и навсегда закрѣпленное въ 1830 г. Не сомнѣваемся въ томъ, что одно это наименованіе заставило бы г. П. А. Ниве отнестись съ большою осторожностью къ историческому «изобрѣтенію...» ультиматума.

Въ виду того, что текстъ нашей декларации, какъ упоминалось выше, искаженъ неудачнымъ переводомъ, мы находимъ крайне необходимымъ привести ея содержаніе въ подлинныхъ *русскихъ* выраженіяхъ по разысканному нами печатному, въ 1808 г., оттиску декларации ¹⁾, причемъ параллельно приведемъ и *переводный текстъ декларации* (въ Шведской войнѣ 1808—1809 гг., ч. I, стр. 56—58), отмѣтивъ курсивомъ пропуски и искаженія.

Подлинный:

„Въ праведномъ негодованіи на насилія, причиненныя Англіею Его Величеству Королю Датскому, Императоръ Всероссийскій, бывъ въ-

Переводной:

„Будучи объятъ справедливымъ негодованіемъ при полученіи извѣстія о насиліи, которое Англія *позволила себѣ* противъ Датскаго Ко-

¹⁾ Арх. канц. воен. мин., секр. отд., 1808 г., дѣло № 3/79, см. лл. 193—196. Декларация была напечатана отдѣльно на русскомъ и французскомъ языкахъ. Два экземпляра печатной декларации, «по Высочайшему повелѣнію», графомъ Румянцевымъ были препровождены графу Аракчеву при отношеніи отъ 13-го февраля 1808 года.

рентъ собственнымъ своимъ правиламъ и непоколебимъ въ почительствѣ Его о благѣ Имперіи, какъ скоро узналъ о семь происшествіи. *предварилъ* тогда же Короля Великобританскаго, что не снесетъ Онъ равнодушно всѣхъ *безпримѣрныхъ оскорбленій*, нанесенныхъ Королю, древнему союзнику Россіи. узами родства и дружбы съ Нимъ соединенному.

Его Императорское Величество сообщилъ о сей своей *рѣшительности* Его Величеству Королю Шведскому нотою, врученною Его послу въ 24-й день сентября минувшаго года (1807 г.)⁴.

Въ трактатѣ *положительномъ*, заключенномъ 1780 года между Императрицею Екатериною и покойнымъ Королемъ Густавомъ III, въ такомъ же (т. е. опять-таки положительномъ), заключенномъ 1800 года покойнымъ Государемъ Императоромъ Павломъ и Шведскимъ Королемъ, нынѣ Царствующимъ, *поставлено* было взаимное и точное обязательство *содержать* Балтійское море, яко закрытое, въ неприкосновенности отъ всякаго *неприязненнаго дѣйствія* и защищать берега ея отъ стѣсненій и нападѣй, употребляя къ тому всѣ возможные способы.

Его Императорское Величество *силою сизъ постановленій* призналъ Себя не только въ правѣ, но и въ обязанности требовать содѣйствія Швеціи противъ Англіи.

Король Шведскій не отрицалъ обязанностей, выше приведенныхъ, но *отрѣкся* отъ всякаго содѣйствія, доколь арміи французскія не удалятся отъ береговъ Балтійскаго моря и доколь *нѣмецкія* пристани не будутъ отверсты Англинской торговлѣ.

роля, Его Императорское Величество, *вѣрный своему характеру* и воодушевленный постояннымъ рвеніемъ защищать интересы своего государства, *приказалъ объявить (!)* Королю Англіи, что онъ *не намеренъ* быть болѣе равнодушнымъ свидѣтелемъ *безпримѣрнаго позора и разбоя (?)*, учиненныхъ противъ Короля, его родственника, друга и стараго союзника Россіи⁴.

Его Императорское Величество сообщилъ Королю свое *рѣшеніе* въ нотѣ, врученной посланнику Швеціи 24-го сентября.

Трактатъ, заключенный въ 1780 году, между Императрицею Екатериною и умершимъ Королемъ Густавомъ III, и *послѣдующій (!)*, заключенный въ 1800 г. между умершимъ Императоромъ Павломъ и нынѣ царствующимъ Королемъ, *содержатъ* взаимное и *форменное* обязательство *поддерживать тотъ принципъ*, что Балтійское море есть закрытое море, *охранять* это море и его берега отъ всякой враждебности, *насилія* и *притѣсненія (!)* и для достиженія этой цѣли *примѣнять* всѣ *доступныя (!)* средства.

Его Императорское Величество считалъ себя, на основаніи *этихъ двухъ трактатовъ (!)* не только въ правѣ, но и *обязаннымъ* потребовать содѣйствія Швеціи противъ Англіи⁴.

„Король, *правда (!)*, не отрицалъ вышеприведенныхъ *обязательствъ*, но *отказался* отъ всякаго содѣйствія до тѣхъ поръ, пока Французскія арміи *не отойдутъ* отъ береговъ Балтійскаго моря и *Германскіе* порта не будутъ открыты для англійской торговли.

Дѣло настаило въ томъ, чтобъ укротить насиліе учиненное Англіею п раздражившее Европу. Императоръ Всероссійскій сплюю трактатовъ требовалъ отъ Короля Шведскаго содѣйствія, въ отвѣтъ на сіе требованіе Монархъ сей предлагаетъ отложить исполненіе трактатовъ до другаго времени, а нынѣ приложить стараніе открыть Англіи торговлю всѣхъ присганаей нѣмецкихъ и словомъ, оказать услугу той самой Державѣ, противъ коей требуютъ защиты. Слѣдовательно нельзя вѣрнѣйшимъ найти доказательствъ пристрастія Шведскаго Короля къ Великобританіи, какъ тѣ, кои самъ онъ отзывомъ своимъ обнаружилъ.

Его Императорское Величество вторичною нотою отъ 16-го ноября, обративъ вниманіе Короля на разрывъ Россіи съ Англіею, вновь требовалъ его содѣйствія.

Сія нота два мѣсяца оставалась безъ отвѣта; наконецъ, 9-го минувшаго января врученъ министерству Его Императорскаго Величества отзывъ въ томъ же разумѣ составленный, какъ и предъидущій.

Его Императорское Величество не сожалѣетъ о своей умѣренности и напротивъ съ удовольствіемъ видитъ, что въ желаніи склонити Его Величество Короля Шведскаго къ системѣ, которая одна можетъ быть государству его свойственна, истощены были досель всѣ способы убѣжденія; но для блага Своего народа, для безопасности Своей Имперіи, для безопасности, которая есть верховный Его законъ, Императоръ Всероссійскій вмѣняетъ себя въ долгъ не оставлять далье подъ сомнѣніемъ обязанность Короля шведскаго содѣйствовать Россіи и Даніи противъ Англіи.

Однако, тутъ рѣчь шла объ отмщеніи насилія, учиненнаго Англіею и вызвавшаго негодованіе всей Европы. Когда теперь (!) Императоръ, въ силу трактатовъ, потребовалъ содѣйствія Короля, то получилъ въ отвѣтъ лишь предложеніе отложить до болѣе благоприятнаго (!) времени исполненіе этихъ трактатовъ и предоста-вить (!) Англіи вести торговлю во всѣхъ германскихъ портахъ; словомъ, послужить этимъ самымъ Англіи, противъ которой предполагалось принять оборонительныя мѣры (!). Трудно привести болѣе ясное доказательство преданности къ Англіи, чѣмъ онъ это самъ сдѣлалъ (!).

16-го ноября (ст.ст.) Его Императорское Величество велѣлъ передать Королю Швеціи еще ноту, которой онъ, напоминая о нарушеніи мира съ Англіею, снова потребовалъ содѣйствія Короля.

Однако, на эту ноту въ теченіи двухъ мѣсяцевъ не послѣдовало никакого отвѣта, а отвѣтъ, данный впоследствии и 9 сего мѣсяца (ст.с.) врученный Его Императорскому Величеству (?), имѣютъ одинаковый отпечаток (?).

Далекій отъ мысли упрекнуть себя въ уступчивости (?), Императоръ весьма доволенъ тѣмъ, что онъ по настоящее время испробовалъ всѣ средства, чтобы побудить Его Королевское Величество, Шведскаго Короля, принять единственную систему, благоприятную (?) его владѣніямъ. Но Императоръ, высшей должи(?) коего заключается въ охраненіи безопасности своего народа и государства, не можетъ допустить (?), чтобы вопросъ о содѣйствіи (?) Швеціи въ союзѣ съ Россіей и Даніей противъ Англіи, былъ еще не разрѣшенъ (?).

Узнавъ, что кабинетъ Сентъ-Жемскій, желая страхомъ обратить Данію къ своей системѣ, угрожалъ ей, что Король Шведскій введетъ войска свои въ Зеландію съ тѣмъ, чтобъ въ возмездіе за сей поступокъ присвоить ему обладаніе Норвегіи, узнавъ, что въ то самое время, какъ Король Шведскій оставялъ Императора Всероссійскаго безъ отвѣта, онъ тайно въ Лондонѣ совыщалъ о союзъ съ Англіею, Его Императорское Величество призналъ, что пользы Имперіи Его были бы пренебрежены, если бы при предстоящей между Россіею и Англіею войнѣ, попустило было Королю Шведскому скрывать въ теченіи нѣкотораго времени подъ видомъ наружнаго нейтралитета, истинныя чувства извѣстной его привязанности къ Англіи. Его Императорское Величество не можетъ оставить въ неопредѣлительности расположеній Швеціи къ Россіи и слѣдовательно не долженъ допускать ея нейтралитета.

Расположенія Короля Шведскаго обнаружены, Императору Всероссійскому остается прибѣгнуть безъ отлагательства къ способамъ, кои Провидѣніе Ему ввѣрило именно на тотъ конецъ, чтобъ ими дѣйствовать для сохраненія безопасности Его Имперіи. Его Императорское Величество предваряетъ о семъ Его Величество Короля Шведскаго и всю Европу.

Удовлетворяя такимъ образомъ обязанности благосостояніемъ Имперіи на него возложенной, Его Императорское Величество готовъ обратитъ мѣры, нынѣ имъ пріемлемыя, въ простую мѣру предосторожности, если Король Шведскій возжелаетъ, не отлагая времени, соединиться съ Россіею и Даніею.

Императору сообщили (!), что Сентъ-Джемскій кабинетъ въ своихъ попыткахъ побудить угрозою Данію перейти на его сторону, угрожалъ ей тѣмъ, что Шведскій Король пошлетъ свои войска на островъ Зеландъ, и что въ вознагражденіе за это (?) ему будетъ отдана (!) Норвегія. Такъ какъ Императоръ пришелъ теперь къ заключенію (?) что въ то время, когда Король оставялъ его безъ отвѣта и велъ тайные переговоры въ Лондонѣ о трактатѣ (?), то Его Величество находитъ, что интересы его государства были бы весьма плохо обезпечены (?), если бы Король Швеціи,—близкій сосѣдь его владѣній (!?!!) — временно, пока разрешится вопросъ о войнѣ между Англіею и Россіею, подъ видомъ фиктивнаго (?) нейтралитета, будетъ скрывать свою преданность (!) Англіи. Его Императорское Величество не можетъ оставить отношеній Швеціи къ Россіи неопредѣленными. Поэтому (?) онъ не можетъ допустить ея нейтралитета.

Такъ какъ образъ мысли Короля вполне опредѣлился (!), то Его Императорскому Величеству предстоитъ (?) безъ замедленія воспользоваться всѣми средствами, ввѣренными ему Провидѣніемъ, для обезпеченія (?) его государства, поэтому онъ извѣщаетъ объ этомъ Короля и всю Европу.

Хотя Императоръ, такимъ образомъ, и выполнилъ то, чего требуетъ отъ него благо его государства, онъ однако готовъ превратить въ мѣру предосторожности шагъ, который онъ намѣренъ сдѣлать, если Король захочетъ безъ замедленія примкнуть къ Россіи и Даніи съ цѣлью закрытія Балтійскаго моря

дабы закрыть Балтійское море Англіи до совершенія морского мира. Его Императорское Величество даже со всемъ участіемъ истиннаго дружества въ послѣдній разъ, приглашаетъ сею Государя, близкимъ союзомъ родства съ нимъ сопряженнымъ, не медлитъ исполненіемъ его обязанностей и приступитъ къ системѣ, которая Державамъ Сѣвернымъ одна можетъ быть свойственна. Въ прочемъ, какую пользу получила Швеція съ того времени, какъ Монархъ ея прильпился къ ползамъ Англіи?

Императоръ Всероссійскій съ чувствительнымъ прискорбіемъ будетъ видѣть разрывъ Швеціи съ Россією, и отъ Его Величества Короля Шведскаго зависить еще рѣшиться, но рѣшиться безъ всякаго промедленія, принять мѣру, которая сохранила бы между обоими государствами тѣсный союзъ и совершенное согласіе⁴.

Не сомнѣваемся, что всякія коментаріи къ изумительному извращенію истиннаго «разума» нашей деклараціи будутъ излишни, такъ какъ параллельное сопоставленіе подлиннаго русскаго текста ея съ текстомъ шведскимъ, нынѣ переданнымъ нашими переводчиками, по ихъ же заявленію (см. предисловіе къ части I «шведской войнѣ 1808—1809 гг.»),—«возможно ближе къ подлиннику»,—слишкомъ убѣдительно и краснорѣчиво говоритъ само за себя. Полагаемъ, что каждый признаетъ, что наши переводчики блестяще справились съ труднѣйшею задачею,—показать какъ слѣдуетъ читать и понимать официальные документы *по-шведски*, а главное—какъ слѣдуетъ ихъ реставрировать, издавая къ 100-лѣтнему юбилею «правдивую», исторію войны, которую, по выраженію покойнаго М. И. Драгомирова, нельзя не сопчислить къ категоріи «подмалеваннѣхъ».

Не считая нужнымъ входить въ подробный разборъ отмѣченнаго, въ полномъ смыслѣ слова, историческаго недоразумѣнія съ текстомъ нашей деклараціи отъ 10-го февраля 1808 г., мы все

для Англіи до тѣхъ поръ, пока на морѣ миръ не будетъ возстановленъ. Онъ въ послѣдній разъ уговариываетъ (?) Короля, своего шурина, съ самою искреннею любовью (?) не колеблясь (?) болѣе въ исполненіи своихъ обязательствъ и принять (?) единственную систему, соответствующую выгодамъ (!) сѣверныхъ державъ. Кроме того, что же Швеція вымрываетъ (?) отъ того, что ея монархъ сдѣлается (?) преданнымъ (!) англійскимъ интересамъ?

Ничто болѣе не удручило бы Императора, чѣмъ видѣть Швецію и Россію въ разладѣ (?). Отъ Короля Швеціи зависить принять безъ замедленія (!) рѣшеніе (?), которое можетъ сохранить обоимъ государствамъ тѣсный (!) союзъ и полное (!) согласіе

такъ попытаемся указать вѣроятныя причины этого недоразумѣнія, которыя сводятся, главнымъ образомъ, къ слѣдующему:

1) декларация, составленная первоначально, вѣроятно, лишь на русскомъ языкѣ, при переводѣ ея, «для предваренія всей Европы», на французскій языкъ, — конечно, могла утратить *силу истинно - русскихъ выраженій*, но врядь ли была искажена;

2) французскій текстъ декларации, представлявшій видоизмѣненный русскій текстъ ея, при переводѣ на шведскій языкъ подвергся цѣлому ряду редакціонныхъ поправокъ, которыя, вѣроятно, въ достаточной степени уже исказили настоящій русскій текстъ декларации;

3) наши переводчики, задаваясь цѣлью держаться «возможно ближе къ подлиннику», т. е. въ данномъ случаѣ текста декларации *шведскаго* изданія, выпустили послѣднюю, считаясь «съ трудностію шведскаго языка» (см. въ томъ же предисловіи), въ новомъ... *четвертомъ* изданіи.

Конечно, отъ подобныхъ переводовъ текстъ декларации, какъ показываетъ наше параллельное сопоставленіе 1-го и 4-го изданія, не только сильно пострадалъ, но даже оказался «подмалеваннымъ» и мѣстами совершенно искаженнымъ. Однако, нельзя не признать, что роковую въ этомъ отношеніи роль сыграли не наши переводчики, а *шведскіе*, которые заблагоразсудили, судя по тексту декларации въ «шведской войнѣ 1808 — 1809 гг.» (см. ч. I стр. 56 — 58), внести сразу же бросающіяся въ глаза измѣненія.

И дѣйствительно, стоитъ даже поверхностно просмотрѣть только нашъ французскій текстъ (1808 г.) декларации, то мы убѣдимся, что послѣдній сохранилъ русскій смыслъ выраженій, которыя совершенно не носятъ той тенденціозности, какая замѣчается въ приведенной выше переведенной въ 1906 г. декларации. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) Выраженіе «*безпримѣрное оскорбленіе*» было переведено «*spoliation sans exemple*», что далеко не поддается превращенію въ «*безпримѣрный разбой и грабежъ*».

2) Выраженіе «*дѣло настояло въ томъ, чтобъ укрѣпить насиліе*» было переведено «*il était question de réprimer la violence*», что опять таки не даетъ основанія изображать, что «*однако, тутъ рѣчь шла объ отмщеніи (!) насилія*».

3) Выраженіе «предварилъ короля Великобританскаго» было переведено, «*préviint le roi de Grande-Bretagne*», что совершенно не походить на шведское—*«приказалъ объявить королю Анліи»*.

4) Выраженіе трактатами—*«постановлено было взаимное и точное обязательство»* было переведено «*portaient cet engagement réciproque et ferme*», что врядъ ли слѣдуетъ читать такъ: *«содержать взаимное и форменное обязательство»*, потому что между понятіями «точное» и «форменное» дистанція огромнаго размѣра.

5) Выраженіе—отвѣтъ былъ *«врученъ министерству Ею Императорскаго Величества»* было переведено «*a été remise au ministère de la Majesté Impériale*», что никоимъ образомъ не даетъ права извращать фактъ, утверждая, что отвѣтъ *«врученъ Ею Императорскому Величеству»*...

При такихъ условіяхъ не приходится и удивляться, что наша декларация, благодаря шведской редакціонной работѣ, какъ убѣдительно свидѣтельствуютъ курсивы въ приведенномъ выше параллельномъ сопоставленіи, для Швеціи была отчеканена въ желательномъ видѣ, удобномъ для различныхъ толкованій, *до ультиматума включительно*. Сильно сомнѣваемся въ томъ, что подобное «безконфузное» обращеніе съ документами служило бы на пользу исторіи, правдивости которой все таки слѣдовало бы придерживаться, хотя бы во уваженіе къ 100-лѣтнему юбилею...

По нашему мнѣнію, подлинный текстъ декларации далеко не походить на ультиматумъ, а представляетъ, выражаясь по современному, лишь *правительственное сообщеніе*, которое самъ графъ Румянцевъ назвалъ состоявшимся *«касательно настоящаго положенія сношеній нашихъ съ Стокгольмскимъ дворомъ»*. Если же въ Швеціи между строкъ продолжаютъ читать иное, то нѣкогда на это были свои домашнія причины, которыя, видимо, не желаютъ объяснить и теперь, словно забывая, что именно *истина и не боится свѣта*.

Сомнѣваться же въ томъ, что декларация—лишь правительственное сообщеніе, не приходится не только по духу «разума» ея, но еще и по слѣдующимъ причинамъ: во 1) Высочайшей апробаціи на декларацию нѣтъ; во 2) декларация никѣмъ не подписана и въ 3) заключительныя отмѣтки: «Санктпетербургъ 10-го февраля 1808 г.» и «*Faite à St. Pétersbourg, le 10 Février 1808*».—указываютъ только дату времени.

Но можетъ быть наша декларація лишь маскировала тотъ «отпечатокъ вѣроломства», о которомъ повѣствуютъ шведскіе историки? Опреѣленный и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать только обстоятельства нашего приготовленія къ «нѣкоторому предпріятію къ движенію», къ хронологическому перечню которыхъ и перейдемъ.

А. М. Борисевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

